ЧЕТВЕРГ, 1 ДЕКАБРЯ (14 декабря) 1905 г.

№ 26

ГОД ПЕРВЫЙ. С.-ПЕТЕРБУРГ.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Новая Жизнь

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Бывшие служащие помещика Булгака, несчастные жертвы помещичьего произвола,

ОБ'ЯВЛЯЮТ БОЙКОТ

владельцу имений — Чегринка, Новый Быхов и Береснезка, Могилевской и Минской губерний,

Эммануилу Иосифовичу Булгаку

за систематическое удаление всех служащих раньше условленного срока (прибегая к обману, нагайкам и публикациям в волостных правлениях) для удержания заработанных ими денег.

Потерпевшие умоляют Совет Рабочих Депутатов заставить черносотенного помещика-хищника возвратить их кровавые деньги.

Покорнейше просим другие газеты перепечатать это об'явление.

В воскресенье

в Народном Доме Нобеля,

Нюстадтская улица, 12,

будет собрание рабочих живописно-малярного ремесла. Собрание начнется ровно в час дня и продолжится до 3 час.

Петербургский Комитет Р. С.-Д. Р. П. в заседании 30 ноября 1905 года постановил:

1) Немедленно произвести выборы представителей фракции „большинства" на предстоящий с'езд как от Комитета, так и от всех работников местной организации.

2) Выборы от всех членов организации произвести, согласно предложению Ц. К., по расчету 1 представителя от каждых 300 работников местной периферии.

3) Выборы производить в районных и подрайонных собраниях (соответственно местным условиям) по общему списку кандидатов, при чем всем членам организации предоставляется право вносить в этот список желательных кандидатов.

Комитет предлагает всем членам организации принять самое деятельное участие в выборах, чтобы содействовать возможно полному представительству местных работников на предстоящем с'езде.

Пет. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

30 ноября 1905 года.

Комитет Императ. Вольно-Экономического Общества и общественных организаций для помощи голодающим, надеясь на помощь общества в страшном бедствии неурожая, постигшем 23 губернии с 20 миллионами крестьян, открыл, кроме своей главной кассы на Забалканском пр., д. 33, свои финальные отделения, принимающие с благодарностью пожертвования на всякую сумму, в следующих местностях города:

1) у секретаря комитета, Б. Э. Кетрица (Преображенская ул., д. 42, кв. 31) до 11 час. утра;

2) у бухгалтера комитета А. М. Безбородова (Калашниковская наб., 30);

3) у Ал. Дм. Рухлова (Невский пр., 27, в Росс. обществе) 10—4 часов;

4) у Ник. Ив. Лутугина (Галерная ул., 32, служба сборов Балт. ж. д.) 10—4 час.;

5) в гимназии М. Н. Стоюниной (Кабинетская, 20) в будни 10—2 час.;

6) в книжн. магазине Мелье (Цинзерлинга) Невский пр., д. 20, Голландской церкви;

7) в Геологическом комитете (Вас. остр., 4 линия, д. 15) у Н. Ф. Погребова, от 2—4 час.

С.-Петербург.

1 декабря 1905 г.

Капитализм и социализм.

Буржуазия боится за свое будущее. Я говорю прежде всего о русской буржуазии — она с таким удовольствием готовилась взять в свои руки кормило правления. К сожалению, она должна констатировать, что в борьбе за свободу на первый план, как самая организованная и могучая сила, выступил пролетариат. Страх ее перед пролетариатом еще более усилился, когда она узнала, что соц.-дем. партия решила поддерживать требования крестьянского населения относительно передачи земель народу. Ужас буржуазии достиг своего апогея, когда среди с.-д. возникла и окрепла мысль об организации временного правительства из элементов крайней революционной демократии, т. е. представителей пролетариата и крестьянства. Буржуазия прекрасно сознает, что деятельность этого временного правительства будет направлена не только против реакции, но и против буржуазии. Временное правительство, состоящее из представителей пролетариата и крестьянства, по меньшей мере нейтрального в борьбе городских рабочих с промышленным капиталом, немедленно примет целый ряд мер к безотлагательному осуществлению соц.-дем. программы-минимум. Уже это само по себе не может быть приятно для господ капи-

талистов, но этого мало. Ряд мер для облегчения положения городской и сельской бедноты, широкая агитация, широкая пропаганда идеи демократической республики и непререкаемого народного суверенитета, пущенная в ход со всеми гигантскими ресурсами, предоставляемыми современным государством, — несомненно, обеспечат политическое господство низов населения над верхами также и в грядущем Учредительном Собрании.

Буржуазия привыкла рассматривать государственную машину как свой служебный аппарат, государство в руках революционной демократии, государство в руках большинства нации, идейно руководимого злейшим врагом буржуазии — соц.-дем., — это нечто совершенно новое и страшное.

Пугаясь открывающихся с этого пункта перспектив, буржуазия старается доказать, что соц.-дем., ставя перед собою подобные задачи, уклоняется от собственных своих принципов. Цитируя положение Маркса, что прежде, чем пролетариат сможет повести серьезную атаку для завоевания государственной власти, эта власть должна оказаться в руках буржуазии, русская буржуазная пресса старается уверить и себя и других, будто это одно из существеннейших и непреложных краеугольных положений научного социализма. На деле же это положение является скорее индуктивным выводом, чем принципом, претендующим на абсолютность. Сделаем, например, такое предположение: в Западной Европе разражается социальная революция, в России же самодержавие сохраняет еще власть в своих руках: неужели при этих условиях торжествующий интернациональный пролетариат ограничился бы тем, что отдал бы судьбу России в руки крупной буржуазии? Это явная нелепость.

Когда французский пролетариат в 48 году выставил против трехцветной республики идею республики красной, Маркс указал те причины, которые делали осуществление этого идеала для того времени невозможным: 1) французский пролетариат неясно различал еще свою классовую обособленность и склонен был заключать противоестественные союзы для достижения таких целей, достигнуть которые он должен исключительно своими силами; 2) Франция являлась в то время передовой страной; остальная континентальная Европа тянулась за нею в хвосте политически и экономически: социальная же революция мыслима лишь как интернациональная. Для России положение совершенно другое, и пролетариат может рассчитывать теперь на настоящие и прочные успехи.

Но существует другое, действительно непреложное положение научного социализма: социализм осуществим только на почве, подготовленной капитализмом. Капитал разрушает маленькие одноклеточные хозяйственные организмы, он сплавляет их вместе и организует промышленные колоссы, он растит экономические силы человечества, делает возможным неслыханное развитие машинной техники и создает небывалое могущество человека над природой. Но с этими созданными капиталом волшебными силами, обеспечивающими за человечеством хозяйственное могущество в таких пределах, о каких прежде не смели и мечтать, представители капитала не в состоянии сладить. В руках капитала царственный скипетр экономической власти над природой не дарует счастья человечеству, но эта власть созрела и ждет того часа, когда ее возьмет в свои руки созданный капиталом могучий противник буржуазии, мессия-освободитель человеческого рода — пролетариат....

Но, кроме этого могучего врага, капитал создал себе и других врагов. Мелкие буржуа — владельцы мелких хозяйств, которые гибнут и лопаются под страшным прес

Барцелонская всеобщая стачка.

Вопрос о всеобщей стачке, с необычайной силой всплывший в последнее время, принадлежит к самым спорным в теоретическом смысле.

Ответить, что такое всеобщая забастовка, не так легко, тем более, что между частичной и всеобщей стачкой нельзя провести вполне ясной грани, как нельзя ее провести между экономической и политической стачкой.

Поэтому особенно ценным является знакомство с характером всеобщей стачки в Западной Европе. Мы остановим здесь внимание читателей на стачке в Барцелоне в феврале 1902 года, когда город остался без воды, света, хлеба и мяса, что случается редко.

Эта стачка представляет довольно типичный пример того, как протекают всеобщие стачки на Западе, и мы приведем ее описание со слов одного корреспондента, тем более, что оно не вошло в нашу книгу: „Формы рабочего движения".

„Телеграф уже вкратце сообщил вам, — писал этот анонимный корреспондент, — о тревожных событиях, происходивших в Барцелоне и соседних с ней городах. Ко времени получения настоящей корреспонденции движение, вероятно, будет подавлено, порядок восстановлен, и цветущая столица Каталонии войдет в обычную колею своей примерно трудовой жизни. Но душевное состояние, переживаемое в эти дни правительством, аристократией, буржуазией и рабочим классом, заставляет подробнее остановиться на явлениях, исключительных по своей грандиозности, отложив освещение их до другого раза.

„В «El Liberal», издающейся не только в Мадриде, но и в Барцелоне, Севилье и Бильбао, 20 февраля телефонируют: «В разных местах происходят схватки между стачечниками и войсками. Со всех сторон непрестанно слышатся выстрелы. Тревожные сообщения цензура задерживает. Наша редакция положительно блокирована» В «El Imparcial» читаю: «Из телефонной станции слышна перестрелка. Мы, можно сказать, среди разгара рево... (здесь звук прерывается). Последняя телеграмма вечернего «El Geraldo de Madrid»: «...Это — настоящая революция.. Ужасное зрелище»...

„По привычке испанского правительства свободное телеграфное и телефонное сообщение прервано между Барцелоной и Мадридом, что способствует распусканию преувеличенных слухов.

„Неудивительно, если в последние дни циркулировали и даже принимались на веру вести, будто самые большие магазины на бульваре Rambla и в улице San Fernando разграблены, будто некоторые фабрики разрушены и подожжены, будто командующий войсками округа, генерал Бархес, ранен.

„Весь сыр-бор загорелся из-за так называемых металлургических рабочих, часть которых, человек 400, месяца

сом капиталистической конкуренции, вопиют против капитала. Идеал их позади, — в тех временах, когда этот пресс еще не давил их, когда они мирно существовали в своих обособленных маленьких домиках, каждый за своим обособленным маленьким делом. Чувствуя, что единичными силами бороться с капиталом было бы смешно, они об'единяются в союзы, они создают свои утопии, которые на первый взгляд как-будто смахивают на социализм: та же ненависть к крупной буржуазии и капиталу, те же лозунги равенства и братства всех обездоленных. Но на самом деле все эти утопии экономически глубоко реакционны. Представители гибнущих классов мечтают о сохранении мелкого индивидуального хозяйства. Им хотелось бы только обобществления кредита, организации рынка; словом, мер относительного коллективизма, для охраны их маленьких уголков, для приостановки экономического процесса, ведущего к торжеству крупной промышленности. Как в старину цеховое право воспрещало иметь батраков более известного количества, так и теперь органической частью реакционно-социалистических утопий является законодательное воспрещение наемного труда. Эти наивные Иисусы Навины хотят остановить солнце. Именно такова и аграрная программа социал-революционеров, родных братьев всяких прудонистов и радикал-социалистов.

Но, если бы им и удалось остановить „солнце", мы социалисты, мы, представители промышленного пролетариата, должны были бы протестовать против этого искусственного тормоза на пути экономического развития сил человечества. Конечно, между социал-демократами и всякого рода радикал-социалистами не только возможны, но и естественны союзы для борьбы с политической реакцией и властными замашками жадного капитала, но и такие союзы, особенно частые и прочные во Франции, к сожалению, обыкновенно вредно отражаются на чистоте экономических идеалов пролетарской партии. Так свихнулся, например, Габриэль Девиль, один из ученых марксистов Франции, заявив, что так называемые гибридные хозяйства, т. е. такие, в которых хозяин, хотя бы то и наряду с наемниками, работает собственными руками, — вполне допустимы и при социалистическом строе, и что меры для защиты их против конкуренции крупного капитала не противоречат ортодоксальной социалистической программе.

Русская социал-демократия никогда не вступит на подобный путь. На ее знамени написано „социализм", и она не подменит этого светлого идеала никакой тусклой мещанской утопией.

Капиталу предстоит в России сделать еще огромную работу. Россия еще и теперь нуждается в высшей мере в капиталистической выучке. При извест[illegible]условиях, которые мы неоднократно перечисляли, т. [illegible]и демократической республике, высшей степени сознательности и организованности пролетариата, при политической поддержке его со стороны крестьянства и наличности социальной революции в Западной Европе, — возможны, конечно, как мы уже писали, немедленные меры к обобществлению созревших уже для него отраслей промышленности. Но капиталу останется громадная область мелкого производства, где ему предстоит только еще подготовить почву для социализма.

„Так вот как! Значит, вы отдаете на жертву всем мукам процесса роста капитализма большую часть России? Вы отмахиваетесь от 100 миллионов ваших сограждан и ничего не хотите предпринять для них?" — Ничуть не бывало: социал-демократия примет, конечно, все меры,

---

два тому назад вступила в стачку вследствие нежелания предпринимателей согласиться на девять часов работы, т. е. сбавить один час. Около 10.000 рабочих, занятых в Барцелоне той же отраслью промышленности, тщетно предлагали хозяевам уменьшить на час трудовой день. С тех пор брожение стало распространяться, и, наконец, в воскресенье 17 февраля в городе состоялось 44 митинга, на которых была принята резолюция о всеобщей забастовке.

„Одновременно выпущенная в огромном количестве экземпляров прокламация подлила масла в огонь. «Миновал, — между прочим, говорилось в ней, — карнавал, эта жалкая выставка роскоши и расточительности, которую наши эксплоататоры ежегодно устраивают, чтобы вдвойне оскорблять нищету, голод и холод, переносимые нами. Между тем как золото пригоршнями бросалось на конфетти, серпантин, костюмы, балы и рестораны, а шампанское лилось потоком, тысячи и тысячи тружеников нуждались в хлебе и крове... Все промыслы доведены до истощения, фабричное дело порабощено, жизнь стала невозможна для бедного рабочего... Наш долг — положить конец терпению, мольбам, добрым приемам; наша неотложная обязанность — предпринять энергичные и решительные действия, которые вознаградили бы титанические усилия механиков, вот уже десять недель бесплодно борющихся против жестокой буржуазии, ободряемой сознанием отсутствия солидарности между рабочими... Восстанем, товарищи, честный народ! Бросим работу все, от подметальщика до машиниста, от слуги до наборщика, — словом, все, кто трудится. Пусть никто не двинется с места, пусть прекратится все, и пусть ответом на отказ кровопийц будет молчание и всеобщий голод. Без пищи, питья, освещения, чистоты — наши враги сдадутся».

„С раннего утра 17 февраля усиленные выкрикивания названия одной из радикальных газет разбудили барцелонских обитателей. То был условленный сигнал, и стачечники стали высыпать на улицу, сходиться в центре и на окраинах. Без всяких колебаний та или другая кучка направлялась в известную сторону, несомненно, повинуясь заранее выработанному плану мобилизации. Шопотом что-то передавали рабочие друг другу, — вероятно, лозунг всеобщей забастовки. На площадях собрались многочисленные толпы, пылавшие гневом и негодованием.

„К девяти часам магазины торопливо стали запираться; те, которые медлили, поплатились дорогими стеклами; в других, упорно сопротивлявшихся, товары были изломаны и изорваны. Рабочие набросились на служанок, возвращавшихся с рынков, и отняли у них корзины с провизией, затем осадили бойню и, захватив несколько мясных туш, разодрали их на части и наделили своих женщин и детей. Только к полудню выехало несколько повозок с мясом под охраной жандармов.

„Некоторые фабрики начали было работу, но на них не хватило и половины рабочих. Те, которые явились, с чув-

сделает все от нее зависящее, чтобы поставить капитал в рамки гуманного, строго проводимого в жизнь законодательства; она сделает все от нее зависящее, чтобы облегчить мучительный переходный период, но она никогда не включит в свою программу ни одной меры, которая клонилась бы к приостановке или замедлению процесса. Против включения подобных мер в аграрную программу или в программу для защиты ремесленников всегда боролось левое ортодоксальное крыло социал-демократических партий всего мира. Никакие ламентации, никакие взрывы негодования со стороны прекраснодушных мечтателей или сладкоречивых демагогов не побудят нас затемнить истину и отказаться от трезвого взгляда на вещи.

Пропаганда и агитация могут, конечно, способствовать переходу сотен, может быть, тысяч мелких собственников на чистую социалистическую точку зрения, но доказать миллионным массам совершенную безнадежность мечтаний об укреплении мелкого хозяйства, разрушить создавшуюся на его почве индивидуалистическую психологию, экономически подготовить производство к переходу в руки всего общества может один только стихийный учитель—капитализм.

Капитал должен сыграть свою роль, прежде чем он сыграет ее до конца—немыслимо полное осуществление социализма. Но политического господства представителей капитала мы не должны допустить.

Такая комбинация, безусловно, мыслима и даже неизбежна, что бы ни говорили испуганные буржуа, с одной стороны, и лишенные научного понимания действительности, пылкие верхогляды—с другой.

А. Луначарский.

Русская печать.

*** В № 243 „Сына Отечества“ г. Рафаилов пытается полемизировать с товарищем Лениным. Некоторые места статьи Рафаилова могут навести читателей, даже соц.-революционеров, на весьма грустные размышления. Так, напр., г. Рафаилов пишет:

Ленин дальше говорит, что „мысль о возможности уравнительного землепользования при существовании капитала и товарного хозяйства есть заблуждение“. Но мы полагаем, что это заявление с его стороны просто описка. При современном несомненном господстве капитала и товарного хозяйства в огромной части России существует уравнительное землепользование. Конечно, местами принцип уравнительности терпит нарушения, но все-таки в общем он оказывается достаточно живуч.

Итак, в настоящее время „уравнительное землепользование“ в общем господствует, лишь терпя кое-какие исключения! Ну да, *такое* уравнительное землепользование возможно, конечно, и при капиталистическом строе, но неужели г. Рафаилов посмеет утверждать, что оно хоть на один золотник облегчает тяжесть нищеты, давящей крестьянские массы? Неужели это уравнительное землепользование может считаться хоть одним здраво мыслящим человеком за препятствие к капиталистическому расслоению крестьянства? Ссылаясь на современные деревенские порядки, ставя свое утопическое „уравнение“ на одну доску с обрывками фискально-общинных цепей, г. Рафаилов, сам того не замечая, сервирует свои уравнительные мечты под горьким соусом иронии.

Далее г. Рафаилов говорит:

Мы глубоко убеждены, что проведение принципа социализации земли нанесет очень серьезный удар массовой нищете Оно даст трудовому крестьянству необходимую передышку, чтобы взяться за дальнейшее строительство своей судьбы.

ством страха переглядывались и, в конце концов, удалялись в одиночку, либо партиями. Выходили вагоны трамвая, но в них вскакивало по несколько суб'ектов, и после энергичного перешоптывания с машинистом и кондуктором вагоны устремлялись обратно в парк; экипажи останавливались и отсылались домой. Эмиссары забастовщиков шныряли всюду: повидимому, все было предусмотрено, и даже в самые отдаленные уголки города доходили приказания, слепо исполнявшиеся. Группы женщин с красными и черными флагами в руках двигались по окраинным фабрикам и заводам, окруженные рабочими, и заставляли бросать работу.

„В продолжение нескольких часов сборища свободно распоряжались Барцелоной, не давая, однако, воли хищническим инстинктам некоторых подстрекателей. Наконец, показались отряды конных и пеших жандармов. Поднялась беготня, послышались вопли, выстрелы. Паника овладела мирным населением, запершимся в своих квартирах.

„В виду грозного характера беспорядков, губернатор передал власть командующему войсками округа. Силы, имевшиеся тут в его распоряжении, вскоре оказались недостаточными для города с 650-тысячным населением и с рабочим контингентом тысяч в 150; поэтому военный министр поспешно отправил туда гарнизон из Вильянуэва, Таррагоны, Лериды, Реуса, рискуя оставить эти города без защиты. Войска прежде всего заняли водопроводные бассейны, газовые и электрические заводы, а также стратегические пункты, из опасения помощи со стороны ближайших крестьян. Конная guardia civil после полудня местами поддерживала правильную перестрелку с забастовщиками, вооруженными револьверами и камнями, при чем было не мало раненых и несколько убитых. В Cruz Cubierta устроена была баррикада, с которой долго поддерживался огонь против отряда пехоты, и только в виду решения солдат взять приступом позицию защитники рассыпались. В курьерском поезде, встреченном градом камней, не осталось ни одного стекла; было несколько попыток устроить сход с рельсов поезда, идущего в Бадалону. На второй день вышел один вагон трамвая: из толпы был сделан выстрел в машиниста; находившиеся на платформах солдаты ответили залпом и ранили несколько человек. Нередко происходили между стачечниками и не приставшими к ним товарищами побоища, пускались в ход ножи и револьверы. Нет надобности перечислять многочисленные схватки, крупные насилия, театром которых была в последние дни и продолжает быть Барцелона. Как всегда бывает при подобных обстоятельствах, много убитых и раненых оказалось среди совершенно непричастных к беспорядкам; между потерпевшими попадаются старухи, а также малолетние дети, из любопытства высунувшиеся из окна.

„По словам очевидцев, тяжелую картину представляет теперь богатая столица Каталонии. Магазины, фабрики, мастерские, кафэ, театры закрыты; на тротуарах много

Мы также убеждены, что передача всех земель народу даст ему „передышку", мы тоже считаем эту передышку необходимой. Нам нравится это выражение г. Рафаилова: социализация ли, национализация ли или просто индивидуалистический черный передел,— все это дает лишь передышку, а дальше вновь вступят в силу законы капиталистического развития, которые через образование сельской буржуазии и сельского пролетариата приведут и деревню к социализму, не передышке уже, а концу капиталистического чистилища.

*** Корреспондент газеты „Русь" специально ездил к одному из буржуазных мудрецов и „победителей" Маркса — профессору Масарику в Праге. Само собой разумеется, проф. Масарик сказал г-ну Орловцу, корреспонденту „Руси", как раз то, что г-н Орловец хотел услышать от проф. Масарика. В первой части интервью Масарик обрушился на русское правительство:

Всякое правительство уступает народу свою власть только под влиянием очевидной необходимости и каждый раз отчаянно торгуется с народом. Когда я гляжу на события в России, я отчетливо вижу эту торговлю. Правительство дает народу копейку, народ требует рубля. Подымается беспорядок. Правительство дает вторую копейку и поддерживает беспорядок, чтобы свалить причину его на либералов и революционеров. Ваше правительство, видимо, хочет остановиться на трех копейках, но не больше, и старательно поддерживает хаотическое состояние страны.

Вторая часть, как и следовало ожидать, направлена против революционеров, при чем выдержан обычный для просвещенной буржуазии беспристрастный и даже как-будто дружественный тон!

Профессор прошелся по кабинету и, словно отвечая на свою внутреннюю мысль, задумчиво заговорил:

— Я знаком со многими революционерами и долго присматривался к ним, изучал их. Революционер — прежде всего человек идеи, следовательно теоретик. Он борется за свою идею смело, жертвует жизнью, отдает идее всего себя, но... он не может созидать. Революционер или гибнет или сталкивает правительство, а затем... становится втупик. Сбросить он может, но практически создать вместо сброшенного новое он не может. Правительство же есть орган прежде всего практический. Оно умеет управлять (чего не умеет революционер), и это-то уменье есть в его руках козырь. В вашей революции я не вижу созидательной работы. Революционер добился своего, и теперь вам необходима тяжелая серьезная созидательная работа, необходима Дума, которая начала бы созидать; а между тем я не вижу у вас кабинетной работы, вижу лишь революционную. Не имея точки опоры, и революционер не может остановить свой ход из боязни потерять приобретенное. Благодаря отсутствию созидателей, в стране возникает хаос, и реакция гордо говорит: — „Смотрите! Мы управляли, и все шло тихо, мирно, а пришли революционеры, и что же они дали стране, кроме хаоса?".

Но ведь революционеры еще далеко не у власти, как же они могли „дать" этот порядок. Немножко терпения, пр. Масарик!

Заключительный аккорд все тот же — на нем сходятся и Масарик, и „Русь", и „Новое Время".

Вам необходимо собрать возможно скорее Думу и начать созидать новый государственный строй.

Предполагается, конечно, Дума, избранная по плану и под надзором фальшиво-конституционного правительства Витте.

*** Недалеко от Масарика ушел радикал Клемансо, к которому „Русь" тоже отправила „человека". Те же надоевшие уже жалобы на двойную политику Витте. Положительная программа Клемансо — это программа наших Петрункевичей. О Петрункевиче, кстати, Клемансо выразился так: „чем он не министр?". Надежды Клемансо таковы: надо разрешить две задачи:

1) образование сильного правительства, которое обладало бы доверием народа и потому способно водворить порядок, и 2) вопрос аграрный.

разбитых и вывороченных фонарей, опрокинутых скамей для гуляющих. Под теплыми лучами южного солнца сверкают каски кавалеристов, треуголки жандармов, штыки пехотинцев. Толпы, — разношерстные, нервно оглядывающиеся, скрывая свое скудное оружие, — то принимают угрожающее положение, то разбегаются, преследуемые войсками. В довершение тягостного впечатления, ежеминутно видны носилки Красного Креста, скрывающие под своим покровом убитого или раненого. А немногие прохожие, осмелившиеся показаться на улице, боязливо озираются, на каждом перекрестке натыкаясь на штыки.

„Обыватели стараются запастись возможно большим количеством провизии и в особенности хлеба, которого вскоре, полагают, не хватит. В немногих лавках, охраняемых полицейскими, — их снабдили ружьями системы Ремингтон, — съестные припасы страшно вздорожали. Хлебники, пользуясь паникой, тоже неимоверно повысили цену: так, хлебец, стоющий 10 сантимов (около 3 коп.), продается иногда по 5 реалов (около 40 коп.). Такой произвол усилил ярость народа, разнесшего несколько пекарень.

„Из дюжины слишком издающихся в Барцелоне газет с понедельника 17 февраля ни одна не выходила. В четверг издатели получили «распоряжение» ген. Вархеса немедленно возобновить издание: в противном случае они будут считаться прекратившимися до восстановления нормального положения и конституционных гарантий. Но выпуск газет пока немыслим, так как наборщики и печатники примкнули к общему движению и грозят не оставить камня на камне в типографии, которая возобновит работу.

„20 февраля состоялось совещание консулов, решивших сообщить своим правительствам о ненормальном состоянии Барцелоны. Возможно, что в порт придут иностранные суда для защиты жизни и имущества своих соотечественников....

„В виду угрожающей перспективы, многие семьи тайком оставили Барцелону, преимущественно морским путем. В последнем экстренном поезде все места были разобраны, но выехало только два пассажира, — так велико опасение показаться на улице".

Так обыкновенно протекают всеобщие стачки, особенно в Испании, где правительство в той же мере ретроградно, в какой жестоко. В других странах, особенно в Голландии, они не носят столь революционного характера, хотя инициаторами их, на-ряду с социалистами, являются и голландские анархисты.

В России всеобщие стачки, начавшиеся с 1903 года, были чисто политическими. Их необычайная удача высоко подняла значение этой формы пролетарской борьбы в глазах западно-европейской социал-демократии. Российский пролетариат показал пример всему миру.

В. Тотомианц.